

Научная статья
УДК 327

EDN:ZPSEQO

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

УЗЕЛ ИНТЕРЕСОВ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ОРБИТЕ ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Маъруф Бобониёзовиц ХАМИДОВ

ООО «Сардор-2008», Душанбе, Таджикистан
Maruf.bamidov.1112@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7422-0467>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу современных вызовов безопасности и динамике соперничества мировых и региональных держав Центральной Азии в XXI в. Цель исследования – выявление и сравнение стратегических интересов, инструментов влияния и зон конкуренции ключевых игроков: США, Китая, России, ЕС, Турции, Ирана, Индии, Пакистана и государств Персидского залива. Научная новизна заключается в комплексном анализе многоуровневой конкуренции и обосновании модели «конкурентного сосуществования», где соперничество сочетается с вынужденным сотрудничеством по критическим вопросам безопасности.

Методология исследования основана на системном и геополитическом подходах, сравнительно-политологическом анализе, ивент-анализе и контент-анализе внешнеполитических стратегий. Источники включают научные публикации, отчеты международных организаций, актуальные статистические данные.

Результаты исследования подтверждают, что современная «новая большая игра» характеризуется многополярностью и смещением акцентов на геоэкономическую конкуренцию в сферах энергетики, транспорта и инфраструктуры. Ключевыми точками пересечения интересов остаются региональная безопасность (угроза распространения радикализма из Афганистана) и развитие транзитного потенциала Центральной Азии.

Делается вывод, что, несмотря на усиление конкуренции, все вовлеченные стороны сохраняют общую заинтересованность в стабильности региона – безусловного потенциала для избирательного сотрудничества.

Ключевые слова: Центральная Азия, безопасность, «новая большая игра», геополитика, геоэкономика, внешнеполитические интересы, региональное соперничество.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хамидов М.Б. Узел интересов: Центральная Азия в орбите глобального и регионального соперничества // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 3. С. 5–17. EDN: ZPSEQO

© Хамидов М.Б., 2026

A NEXUS OF INTERESTS: CENTRAL ASIA IN THE ORBIT OF GLOBAL AND REGIONAL RIVALRY

Maruf B. HAMIDOV

Sardor-2008 LLC, Dushanbe, Tajikistan
Maruf.hamidov.1112@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7422-0467>

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of contemporary security challenges and the dynamics of rivalry among global and regional powers in Central Asia in the 21st century. The study aims to identify and compare the strategic interests, instruments of influence, and areas of competition of key players: the USA, China, Russia, the EU, Turkey, Iran, India, Pakistan, and the Gulf States. Scientific novelty lies in the comprehensive analysis of multi-level competition and the substantiation of the “competitive coexistence” model, where rivalry is combined with forced cooperation on critical security issues.

Methodology is based on systemic and geopolitical approaches, comparative political analysis, event analysis, and content analysis of foreign policy strategies. Sources include academic publications, reports from international organizations, and current statistical data.

Results reveal that the modern “new great game” is characterized by multipolarity and a shift in focus to geo-economic competition in energy, transport, and infrastructure. Key points of intersection remain regional security (the threat of radicalism spreading from Afghanistan) and the development of Central Asia’s transit potential.

It is concluded that despite increasing competition, all involved parties maintain a common interest in regional stability, which creates potential for selective cooperation.

Keywords: Central Asia, security, “new great game”, geopolitics, geo-economics, foreign policy interests, regional rivalry.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation. Hamidov, M.B. A Nexus of Interests: Central Asia in the Orbit of Global and Regional Rivalry // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 3. P. 6–17. EDN: ZPSEQO

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена фундаментальной ролью Центральной Азии в современной системе международных отношений, что определяется совокупностью ее уникальных географических, геополитических и ресурсных характеристик. Расположенный в сердце Евразии регион, включающий пять постсоветских государств с населением более 81 млн человек и совокупным ВВП около 520 млрд долларов, на протяжении столетий остается ареной пересечения интересов крупнейших мировых и региональных держав. Как справедливо отмечалось в классических геополитических теориях (Х. Маккиндер, Н. Спайкмен)¹, контроль над

¹ Encyclopedia Britannica. Heartland. 2019. URL: <https://www.britannica.com/place/heartland>

этой территорией традиционно ассоциировался с доминированием над всей Евразией.

После распада СССР, и особенно в XXI в., конкуренция в регионе приобрела новое качество, получив в научной литературе определение «новой большой игры». Ее специфика заключается в переходе от жесткого военно-политического противостояния к сложному переплетению геоэкономических, энергетических и инфраструктурных интересов. Стратегическая ценность Центральной Азии определяется двумя факторами.

Во-первых, это богатейшие запасы ресурсов: углеводородов (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), стратегических минералов и гидроэнергетического потенциала (Кыргызстан, Таджикистан), что ставит регион в центр интересов энергетической безопасности Китая, Европы и Южной Азии.

Во-вторых, его транзитное значение многократно возросло благодаря прохождению через него ключевых маршрутов инициативы «Один пояс — один путь».

Вместе с тем в научном сообществе наблюдается пробел: отсутствует комплексный системный анализ многоуровневой конкуренции в регионе. Работы современных авторов часто фрагментарны, в них не учитывается баланс между противоречиями и сферами вынужденного сотрудничества (например, в вопросах безопасности и борьбы с наркотрафиком). Дополнительный уровень сложности создают такие внутренние факторы, как неоднородность государств, многовекторность их политики, нерешенные проблемы (водно-энергетический дисбаланс, пограничные споры, проблемы экологии), создающие уязвимость для внешнего влияния.

Материалы и методы исследования. Работа базируется на системном и геополитическом подходах, что позволяет рассматривать Центральную Азию как сложную систему взаимодействий, находящуюся под влиянием множества внешних и внутренних факторов. Используются методы сравнительно-политологического анализа (для сопоставления стратегий различных государств), ивент-анализа (для оценки динамики событий в регионе), контент-анализа официальных документов и заявлений.

Источниковую базу исследования составили официальные внешнеполитические стратегии и концепции государств; статистические данные международных организаций (ООН, Всемирного банка, ЕАБР); научные публикации в рецензируемых журналах; аналитические доклады исследовательских центров.

При работе с источниками учитывалась их возможная ангажированность. Для минимизации искажений использовалась триангуляция данных — сопоставление информации из различных источников.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 г. по настоящее время, с акцентом на события 2020—2025 гг.

В основе исследования находится концепция «новой большой игры» (New Great Game). Данное понятие было введено в научный оборот в 1994 г. после распада СССР для обозначения соперничества мировых и региональных держав в Центрально-Азиатском регионе.

Результаты исследования. При рассмотрении политики ключевых акторов, оказывающих влияние на страны Центральной Азии, можно отметить, что этот регион по-прежнему остается зоной приоритетных интересов России. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229), Россия позиционирует себя «как один из суверенных центров мирового развития» и рассматривает развитие сотрудничества с государствами Содружества Независимых Государств (включая страны Центральной Азии) в качестве безусловного приоритета². Документ подчеркивает стремление России к «дальнейшему укреплению Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), повышению их роли как ключевых механизмов региональной интеграции и обеспечения безопасности».

Вместе с тем текущая ситуация в регионе не является однозначной. Если традиционно основная активность России была сосредоточена на Казахстане, то в настоящее время она уже не является ведущим торговым партнером для стран Центральной Азии, уступив эту роль Китаю [1, с. 81]. Тем не менее экономическое сотрудничество России с регионом отличается диверсифицированной структурой и охватывает широкий спектр отраслей, включая горнодобывающую промышленность, строительство, военно-промышленный комплекс, телекоммуникации, транспорт и сельское хозяйство. Кроме того, Россия сохраняет за собой роль наиболее значимого гаранта безопасности в регионе [2, с. 480].

По мере того, как страны Третьего мира наращивают свое экономическое влияние в государствах Центральной Азии, Россия сталкивается с необходимостью адаптации к новым региональным реалиям и выстраивания взаимодействия с новыми акторами с учетом как преимуществ, так и недостатков ситуации.

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

В отношении соседних региональных держав, таких как Индия, Иран и Турция, российское политическое руководство осознает, что они не обладают достаточными ресурсами для оспаривания лидерства России в регионе. В свою очередь, после вывода войск из Афганистана внимание США к Центральной Азии заметно снизилось. В более широком контексте российско-американских отношений, несмотря на сохраняющуюся напряженность, удалось определить практические сферы сотрудничества по афганскому вопросу, затрагивающие и Центрально-Азиатский регион.

Другим глобальным игроком по-прежнему является Китай, который имеет протяженную границу с тремя центральноазиатскими республиками (3322 км), что обеспечивает прямой доступ к региону. В 2013 г. Пекин выдвинул инициативу «Один пояс — один путь», направленную на расширение региональных и глобальных связей и усиление экономической интеграции [3]. В рамках данной стратегии Китай реализовал проекты нефтепровода «Казахстан — Китай» и газопровода «Туркменистан — Китай». Кроме того, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) укрепляются взаимоотношения между центральноазиатскими республиками, Россией и Китаем [4].

В своей стратегии Пекин подчеркивает принципы «невмешательства во внутренние дела» и «взаимной выгоды», что контрастирует с более активным военно-политическим присутствием России и США. В отличие от западного подхода, при котором регион рассматривается через призму «большой игры», Пекин предпочитает экономическую интеграцию без политических условий.

Особого внимания заслуживает растущее присутствие Китая в сфере высоких технологий и искусственного интеллекта. В последние годы китайские компании активно инвестируют в цифровую инфраструктуру региона, включая проекты «умных городов» и систем видеонаблюдения, что создает новые рычаги влияния и одновременно вызывает обеспокоенность у местных элит по поводу цифрового суверенитета.

Политика США в Среднеазиатском регионе прописана в Стратегии национальной безопасности США от 14 октября 2022 г., где Китай обозначен «основным конкурентом и глобальным вызовом современности», а Россия — «острой угрозой»³. При этом Центральная Азия рассматривается американской администрацией как важный регион

³ Biden J.R. National Security Strategy. Washington: The White House, 2022. 48 p. URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf>

для сдерживания влияния России и Китая, для чего используются не только инструменты «мягкой силы» [5]. После вывода войск из Афганистана США, сократив военное присутствие, сохраняют свое влияние через экономические и политические инструменты. С 2015 г. действует дипломатическая платформа C5+1, предоставляющая США и пяти странам Центральной Азии возможность обсуждать общие проблемы в сферах безопасности, экономической взаимосвязанности и экологии [6, с. 61].

Европейский союз уделяет большое внимание развитию демократических институтов, верховенства закона и прав человека в рассматриваемом регионе [7], он также стремится развивать сотрудничество в борьбе с религиозным радикализмом, нелегальной миграцией и незаконным оборотом наркотиков.

Стратегия ЕС по Центральной Азии на 2023—2025 г. (EU Strategy on Central Asia: Implementing Priorities 2023—2025) фокусируется на устойчивом развитии, цифровой трансформации, верховенстве закона и правах человека, а также на развитии транспортной связанности (Транскаспийский международный транспортный маршрут).

Турция имеет глубокие исторические, культурные и этнические взаимосвязи с регионом. В настоящее время она предлагает альтернативный маршрут транспортировки энергоносителей из Каспийского региона и Центральной Азии на рынки Ближнего Востока, Африки и Европы [1, с. 95].

Внешнеполитическая стратегия Турции («Asia Anew» — «Азия заново») направлена на углубление существующих взаимосвязей с тюркоязычными государствами Центральной Азии в экономической, культурной и военно-технической сферах [8]. В рамках конструктивистского подхода к изучению «новой большой игры» этот акцент на культурно-цивилизационной общности рассматривается как ключевой инструмент «мягкой силы» Анкары.

Исламская республика Иран граничит с Туркменистаном (1148 км), что способствует укреплению культурных, этнических и религиозных взаимосвязей. Исторические и культурные отношения между Таджикистаном и Ираном делают их сближение естественным процессом, однако экономические трудности, вызванные санкциями, ограничивают влияние Ирана в регионе [9].

Иран стремится стать ключевым транзитным хабом, соединяющим Центральную Азию с рынками Южной Азии и Персидского залива (через порты Чабахар и Бендер-Аббас). С геоэкономической точки зрения Иран рассматривается как альтернативный маршрут поставок

энергоносителей из Центральной Азии, снижающий зависимость от российских и китайских транспортных коридоров.

Пакистан, не имея общей границы с Центральной Азией, обладает географическим, историческим и культурным единством с регионом. Порты Карачи, Касим и Гвадар предоставляют центральноазиатским республикам выход к мировому рынку. Пакистан участвует в проекте ТАПИ, однако его реализация сталкивается с трудностями из-за нестабильной ситуации в Афганистане [10]. В национальной стратегии безопасности Пакистана делается акцент на «геоэкономическом приоритете». В этом контексте Центральная Азия рассматривается как источник энергоресурсов и рынок сбыта для пакистанских товаров, а также как пространство для противодействия влиянию Индии в регионе.

Индия, обладающая ядерным оружием и динамично развивающейся экономикой, воспринимает Китай как соперника [11]. Отсутствие общей границы создает сложности с доступом в регион. В 2015 г. была достигнута договоренность о строительстве железной дороги через Иран до Туркменистана. Стратегия Индии «Connect Central Asia» направлена на развитие транспортной связанности (через Иран и порт Чабхар), энергетического партнерства и культурно-гуманитарных связей со странами региона.

Государства Персидского залива (ОАЭ, Саудовская Аравия) в последние годы активизируют инвестиционную деятельность в Центральной Азии. Основными направлениями вложений выступают возобновляемая энергетика, логистическая инфраструктура и агропромышленный комплекс [12; 13] (таблица).

Внутренние проблемы, характерные для стран Центральной Азии, формируют благоприятные условия для внешнего вмешательства и могут быть целенаправленно использованы в качестве инструмента дестабилизации политической обстановки в регионе.

Водно-энергетическая проблема, выражающаяся в противоречиях между странами верховья (Таджикистан, Кыргызстан), заинтересованными в использовании воды для гидроэнергетики, и странами низовья (Узбекистан, Казахстан), нуждающимися в воде для ирригации, остается неразрешенной. Строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС-1 в Кыргызстане вызывает озабоченность у Узбекистана, а отсутствие регионального водного консорциума препятствует рациональному использованию трансграничных рек.

**Сравнительный анализ стратегий внешних игроков
в Центральной Азии**

Игрок	Основные интересы	Ключевые инструменты	Зоны конкуренции	Зоны сотрудничества
Россия	Военно-политическое доминирование, сохранение влияния	ОДКБ, ЕАЭС, военные базы, трудовые миграции	Безопасность, военно-техническое сотрудничество	Борьба с терроризмом, ШОС
Китай	Экономическое проникновение, доступ к ресурсам	Инвестиции, инфраструктурные проекты, ШОС	Энергетика, транспортные коридоры	Безопасность, ШОС
США	Сдерживание влияния России и Китая, демократизация	С5+1, помощь в безопасности, гранты	Политические реформы, ценности	Борьба с наркографиком, нераспространение
ЕС	Диверсификация энергопоставок, продвижение ценностей	Программы развития, гуманитарная помощь	«Зеленая» энергетика, институты	Экология, образование
Турция	Культурно-языковое влияние, энерготранзит	ТЮРКСОЙ, транспортные проекты	Транспортные коридоры, инвестиции	Культурное сотрудничество
Иран	Транспортный доступ, снятие изоляции	Железные дороги, культурные связи	Транспорт, энергетика	Борьба с наркографиком
Индия/Пакистан	Энергобезопасность, сдерживание друг друга	ТАПИ, двусторонние соглашения	Влияние в Афганистане	Энергетические проекты
Государства Залива	Инвестиции, «зеленая» повестка	Прямые инвестиции, фонды	Возобновляемая энергетика	Экономическое развитие

Пограничные споры также создают напряженность, особенно на кыргызско-таджикской границе, где вооруженные столкновения в 2021 и 2022 гг. привели к многочисленным жертвам и продемонстрировали хрупкость региональной стабильности; делимитация и демаркация границ продвигаются медленно, что создает потенциал для новых конфликтов. Социально-экономические проблемы, такие как высокий уровень безработицы среди молодежи, особенно в сельских районах, сохраняющееся неравенство и коррупция — питательная среда для радикализации и трудовой миграции, при этом трудовая миграция в Россию остается важнейшим источником доходов для Таджикистана и Кыргызстана, что создает зависимость от российской экономики и миграционной политики. Экологические угрозы, в частности деградация Аральского моря, — крупнейшая антропогенная катастрофа XX в. — продолжают оказывать негативное воздействие на здоровье населения и экономику региона, и решение этой проблемы требует координации усилий не только стран Центральной Азии, но и международного сообщества [14].

Политическая нестабильность в Афганистане выступает в качестве системного вызова, оказывающего значительное воздействие на безопасность стран Центральной Азии [15, с. 111]. Афганистан остается главным внешним источником угроз для региона. После прихода к власти талибов в 2021 г. перед странами Центральной Азии возникли новые вызовы. К числу ключевых рисков относится распространение радикализма. Группировки, такие как «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)⁴, сохраняют свое присутствие на севере Афганистана и могут использовать его территорию для проникновения в Центральную Азию. Кроме того, высокий уровень производства наркотиков в Афганистане обостряет проблему: Центральная Азия является ключевым транзитным маршрутом для поставок наркотических веществ в Россию и Европу. По данным Всемирного банка, нестабильность в Афганистане ежегодно обходится экономикам соседних стран Центральной Азии в сумму до 1,5% их ВВП⁵.

При этом страны региона демонстрируют различные подходы к взаимодействию с новыми властями Афганистана. Таджикистан занимает наиболее жесткую позицию, отказываясь от признания движения «Талибан»⁶. Узбекистан и Туркменистан, напротив, развивают торго-

⁴ «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») — международная террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации (решение ВС РФ от 14 февр. 2003 г. № ГКПИ 03-116).

⁵ World Bank. Central Asia Economic Update. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>

⁶ Входит в список террористических организаций. Запрет деятельности приостановлен решением Верховного Суда РФ, от 17 апр. 2025 г. № АКПИ25-174с; вступило в силу 20 мая 2025 г.

экономические связи исходя из прагматических соображений. Это расхождение создает дополнительные сложности для выработки единой региональной политики.

Обсуждение результатов. Проведенный анализ позволяет утверждать, что в XXI в. в Центральной Азии сформировалась уникальная модель международных отношений, которую можно определить как «конкурентное сосуществование». Справедливо утверждение С.С. Жильцова о том, что ее сущностная характеристика заключается в том, что при сохранении и даже обострении конкуренции между внешними игроками за доступ к ресурсам, транспортным маршрутам и политическому влиянию, все вовлеченные стороны объективно заинтересованы в поддержании базовой стабильности в регионе [16]. Эта модель принципиально отличается как от классической биполярной конфронтации времен холодной войны, так и от однополярного момента 1990-х годов. В современной Центральной Азии наблюдается многополярная структура с несколькими центрами силы, каждый из которых обладает собственными инструментами влияния и не может полностью доминировать над остальными.

На основе проведенного анализа можно выделить несколько возможных сценариев развития ситуации в регионе.

Первый сценарий связан с усилением китайского доминирования. Китай продолжает наращивать экономическое присутствие, постепенно вытесняя Россию из экономической сферы и создавая устойчивую зависимость стран региона от китайских инвестиций и рынков. Россия сохраняет военно-политическое влияние, но ее экономические позиции ослабевают. Западные игроки остаются маргинальными.

Второй сценарий балансирования и многовекторности, при котором страны региона успешно маневрируют между интересами внешних игроков, извлекая выгоду из их конкуренции. Это стимулирует создание эффективных региональных механизмов для решения внутренних проблем, что вынуждает внешние державы координировать свои усилия по отдельным направлениям.

Третий сценарий предполагает нарастание дестабилизации и конфликтности: обострение застарелых внутренних противоречий, таких как водно-энергетические и пограничные споры, в сочетании с хаосом в Афганистане, что приводит к новым вооруженным конфликтам и втягивает внешних игроков в прямое противостояние, усугубляя ситуацию.

Наиболее вероятным представляется именно сценарий балансирования, поскольку он соответствует долгосрочным интересам как самих

стран региона, так и большинства внешних сил. Однако его реализация не гарантирована и требует активных, целенаправленных усилий по укреплению регионального сотрудничества и созданию действенных механизмов предотвращения конфликтов.

Заключение. Результаты данного исследования подтверждают, что в XXI в. Центральная Азия сохраняет статус стратегического узла, где пересекаются интересы ведущих мировых держав. При этом феномен «новой большой игры» кардинально отличается от своего исторического аналога: современное соперничество носит многополярный характер, его эпицентр сместился в геоэкономическую плоскость, а отношения между участниками представляют собой сложное переплетение конкуренции и вынужденной кооперации.

Ключевой вывод заключается в том, что, несмотря на обострение борьбы за ресурсы и контроль над транспортными коридорами, все внешние игроки объективно заинтересованы в поддержании фундаментальной стабильности в регионе. Это создает основу для модели «конкурентного сосуществования», где соперничество по одним вопросам сочетается с прагматичным сотрудничеством по другим.

В то же время регион сталкивается с серьезными вызовами. Афганистан остается системной угрозой для безопасности, а нерешенные внутренние проблемы самих центральноазиатских государств — водные споры, пограничные конфликты и социально-экономическая напряженность, создают уязвимости, которые могут быть использованы внешними силами для усиления влияния.

На основе этих выводов сформулируем следующие рекомендации:

1. Для стран Центральной Азии приоритетом должно стать укрепление регионального единства. Выработка согласованной позиции по вопросам безопасности и экономики позволит государствам повысить свой авторитет и эффективно противостоять внешнему давлению. Необходимо создать постоянно действующий механизм для урегулирования водных и пограничных споров.

2. В контексте российско-китайского партнерства следует развивать многовекторные форматы взаимодействия в рамках ШОС и других структур. Главная задача — трансформировать потенциальные точки напряжения в конструктивное русло и не допустить превращения региона в арену соперничества.

3. Для западных стран (США, ЕС) рекомендуется перейти от исключительно ценностно-ориентированной повестки к прагматичному сотрудничеству. Фокус должен быть смещен на совместные проекты в области кибербезопасности, борьбы с транснациональной преступностью и развития «зеленой» энергетики.

4. Для государств Персидского залива расширение инвестиций в регион открывает широкие возможности, однако реализация проектов должна сопровождаться с учетом экологических и социальных рисков, а также координацией с другими международными донорами.

5. Для международного сообщества стабилизация ситуации в Афганистане является безальтернативным условием для обеспечения долгосрочной безопасности всей Центральной Азии.

Перспективными направлениями для дальнейших исследований могут стать анализ эффективности работы региональных институтов (таких как ШОС, ЕАЭС, ОДКБ) в новых условиях, изучение механизмов взаимодействия внешних игроков в конкретных секторах экономики и моделирование сценариев развития афганского кризиса.

Список источников

1. *Cakir A.* Contemporary Rivalry in Central Asia: Challenges and Opportunities // *Journal of Eurasian Inquiries*. 2020. № 1. P. 75–94. DOI: 10.26650/jes.2020.005
2. *Гусев Л.Ю., Казанцев А.А.* Сотрудничество России и государств Центральной Азии // *Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии* (Москва, 14 июня 2017 г.). М.: МГИМО МИД РФ, 2018. С. 133–165. EDN: XMJRBZ
3. *Wilson W.* China's Huge «One Belt, One Road» Initiative Is Sweeping Central Asia // *The Heritage Foundation*, 2016. URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/chinas-huge-one-belt-one-road-initiative-sweeping-central-asia>
4. *Boland J.* Ten Years of the Shanghai Cooperation Organization: A Lost Decade? A Partner for the United States? // *Brookings Institution*, 2021. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/06_shanghai_cooperation_organization_boland.pdf
5. *Кожокин Е.М.* США в Центральной Азии: политика «немягкой силы» // *Международная жизнь*. 2023. № 7. С. 16–27. EDN: WHWMNJ
6. *Карпович О.Г., Кондаков С.А.* Центральная Азия: регион геополитической конкуренции или партнерства? // *Обозреватель*. 2021. № 5 (376). С. 59–71. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_5_59. EDN: AIIHSC
7. *Парамонов В.В., Чмырева В.А., Строков А.В.* Экономические отношения между странами Центральной Азии и Евросоюзом // *Мир перемен*. 2022. № 1. С. 44–59. DOI: 10.51905/2073-30382022144. EDN: MQNPLE
8. *Колесникова М.А.* Основные аспекты современной политики Турции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2024. № 2 (855). С. 16–21. EDN: DXKRQ
9. *Al-Nouimat A.M. D., Jakubayeva S., Zhekenov D., Azimov A.* Геополитические интересы Ирана в Центральной Азии // *International Relations and International Law Journal*. 2019. Т. 87, № 3. С. 40–46. DOI: 10.26577/IRILJ.2019.v87.i3.04
10. *Якубов И.Х., Нуриддинов У.К.У.* Пакистан – Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 8. С. 637–644. EDN: MOBADV

11. *Гарбузарова Е.Г.* Центральназиатская политика Индии // Россия и АТР. 2023. № 3 (121). С. 37–51. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-3-37-51. EDN: RSFZVS
12. *Мальшева Д.Б.* Аравийские монархии и Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 7. С. 79–89.
13. *Тимакова О.А.* Стратегия Арабских стран Персидского залива: особенности политики в отношении стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23, № 1. С. 36–46. DOI: 10.37178/са-с.20.1.03. EDN: KBIPGN
14. *Маккамбаев П.А.* Современное состояние формирующейся системы региональной безопасности Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5, № 3. С. 273–296. DOI 10.18334/asia.5.3.1129973
15. *Мальшева Д.Б.* Афганистан и новая международная конфигурация в Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 4. С. 35–43. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-4-35-43. EDN: SYHLUK
16. *Жильцов С.С.* Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 78–89. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89. EDN: OIEODC

Сведения об авторе

ХАМИДОВ Маъруф Бобониёзович,
аналитик ООО «Сардор-2008», Душанбе, Таджикистан
Maruf.hamidov.1112@mail.ru
SPIN-код: 7238-1148,
<https://orcid.org/0009-0008-7422-0467>

Статья поступила в редакцию
04.12.2025

Одобрена после рецензирования
26.02.2026

Принята к публикации
25.05.2026

The author

HAMIDOV Maruf B.,
Analyst at Sardor-2008 LLC,
Dushanbe, Tajikistan
Maruf.hamidov.1112@mail.ru,
SPIN-код: 7238-1148,
<https://orcid.org/0009-0008-7422-0467>

The article was submitted
04.12.2025

Approved after reviewing
26.02.2026

Accepted for publication
25.05.2026